

Г.Е. Распутин был целенаправленно приставлен к царю одним из Древнерусских реческих кланов, этот тезис подтверждает изданная книга Распутина...

Так называется статья, напечатанная газетой «МК» (2.04.08 г.), в которой приводится отрывок из опубликованных дневников Г.Е. Распутина. Ниже приводим полный текст статьи. Наши комментарии в заключении.

ИАС КПЕ **Распечатана тайна Гришки Распутина**

Только в «МК»: отрывки из впервые опубликованного дневника легендарного старца

В Госархиве с 20-х годов хранится документ, обозначенный как дневник Распутина. Как он туда попал и в каком точно году, неизвестно. Спустя 80 лет хранения дневник Распутина выходит отдельной книгой.

У историков есть сомнения в подлинности дневника Распутина; но это едва ли не лучший способ узнать интереснейшие подробности о жизни и характере «святого черта», «старца», который называл Николая II Папой, императрицу Александру — Мамой, влиял на важнейшие государственные дела и вертел, как хотел, историей России. «МК» публикует отрывки из записей Григория Распутина.

История — дама с капризами: много лжет. Дневник Распутина перекликается с “Дневником Анны Вырубовой, фрейлины императрицы”. Рассказывает один из публикаторов дневника Распутина — кандидат исторических наук Даниил Коцюбинский:

— Дневник Вырубовой был опубликован в 1927—1928 гг. и разоблачен экспертами как подделка. Для человека, который знаком с историей той эпохи, очевидно, что дневник Вырубовой резко контрастирует с ее слогом и личностью. А дневник Распутина прекрасно коррелируется с нашим представлением о Григории: звучание, речевые особенности, восприятие себя “старцем”. Он любил диктовать — на него работали несколько секретарей и редакторов, включая императрицу. Это были духовные наставления с автобиографическими компонентами. Распутин, относившийся к своей личности в высшей степени серьезно, понимал себя как посланец неба и стремился зафиксировать свое бытие. Не упускал Распутин случая прихвастнуть и своим влиянием на “большие

дела”: “

*Меня царским лампадником зовут. Лампадник маленькая шишка,
а какие
большие дела делает!*
”

На одной
из страниц
стоит подлинная подпись Распутина,
но это
тоже могло быть сфальсифицировано. Даже если этот документ прошёл через руки
сочинителей,
в нём
много реальных фактов.
В нём
запечатлелся наиболее живой образ Распутина, Николая
II и Александры
Федоровны. Итак, читаем записки...

Как стал исцелять

(...) Роду я — малого, бедности — большой. Одним словом, жук навозный... На
разбойное
дело
не гожусь.
Не пойду
на злое:
у меня
завсегда
к человеку —
жалость большая... Да
и что —
человек? Клоп.
Раздавишь —
вонять будет.
И порешил:
моя дорога
к почести
через бабу. Как решил, так
и действовать
по плану
стал.

Русский мужичок, хоча и в бедности и в убожестве, а все ж — побубнить любит. Мужик умишко свое завсегда щекочет.

Мы —

духом бунтари. Яму мало сходить

в церковь —

лбом пол морочить. Яму особого Бога дай

и то

он,

Бог-то

, туманный

и заковыристый...

Тело —

оно ему милее.

А через

кого мужик Бога ищет? Всего больше через бабу. Потому

в бабе —

дух живет. Шуму она боле делает.

А без шуму —

ни Бога,

ни почести

не сделать!

А уже

пошуметь бабы всегда могут. Только свистни, она враз откликнется.

За собой —

деревню поведёт.

И вера

в ней

мягкая... Ветром носится... Как

я до

этой мысли

дошёл —

так

и стал

действовать через женщин. Вот.

Куда идти мне?

После того, как я неведомой силой был поднят на небо, я стал помышлять о том, что меня избрал Господь не для игрищ бесовских; а для какого-то неведомого дела. И стал мыслить о том, кому свою силу отдать? Во что и для чего?

Шёл это я утром рано улицей. Вижу, у дверей церковной паперти сидит женщина с младенцем

на руках
и горько
плачет.

Я к ней:

“

*Об чём
плачешь
?” —*

“

Горе,

—

грит, —

у меня —

муж умирает...

” —

“

Веди,

—

говорю, —

к болящему,

помогу, чем смогу

”.

Привела. (...) Я ему ноги растёр, спину растёр. Дал ему крест, сказал: “*Приложись к*

кресту
и вставай,
и —
иди
с Богом.
Тебе работать надо, детей кормить
”. Встал
и пошёл...

С этого дня стал мне народ в ноги кланяться. Христовым сыном величать. И пошла обо мне слава большая. Всюду только и разговору, что про мои чудодеяния. Особенно обо мне много говорили женщины. Их всего сильнее нужда бьёт — и потому они всего скорее верят в божественное. И имя Григория разнеслось повсюду: куда дует ветер, куда залетает птица, куда несётся волна — туда неслась сказка про нового пророка Григория. (...)

Откуль у человека божественная сила берётся? И не глядел я на женщин и не думал о них, ибо был сыт лаской. И никогда я об этом не думаю.

Пришло — закружило... Прошло — стошнило... Придёт, закружит и отпустит, и нет в этом для меня ни греха,

ни радости.
Ибо сие
не от меня
исходит
и не волен
я против
этого бороться. Вот.

И **подходит** это **ко мне отец Афанасий**. Лицо, как сапог вычищенный, лоснится, из глаз слеза каплет. (...) “

Вот,

—

говорит, —
слушай.

Из головы

это

у меня

не отходит,

как ты сказал:

“Я —

сам

от себя!”

Вижу сила большая

в тебе

”.

Я молчу.

“Ну... *сила, говорю, большая. А большому кораблю — большое плавание*”. Я молчу, а **чувствую**

,

как

в жилах

у меня

кровь переливается

.”

Что это, —

думаю, —

дьявол-искуситель,

или сама

судьба ко мне пришла?

” Гляжу

на него

и —

шепчу

: “

Да... сила большая. Решился так,

что мне

в столицу

надо

” —

“

Куда?

” —

“

Туда, где большие бояре царские, где царь-батюшка

и царица

-матушка

” —

а...

у меня

в ушах

звон

. “

Повезу тебя

в Петербург

, —

говорит, —

повезу —

будешь

в золоте

ходить. Помни тогда своего благодетеля

”. (...)

Так он и свез меня.

И было это под Зимняго Николу. Помню это, никогда мне этого дня не забыть... Потому с этого

дня моя судьба повернулась, как поворачивается подсолнух

к солнышку.

Повели

это

меня

к отцу

Феофану

. Подошёл

я к нему

под благословение.

Впилился

в глаза

мы:

я —

в него,

он —

в меня

...

И

так-то

у меня

на душе

легко стало. Будто

не я к нему

за ключами,

а он

ко мне

“

Гляди

, —

думаю, —

меня

не переглядишь...

Моим будешь! Будешь, будешь!

”

И стал

он моим.

Не то благоденствую, не то уживаюсь... не то скучаю... (...) Понял я, что моей мужицкой

свободе

—

конец

пришёл.

Что будут

они

все со мной

в мужичка

играть,

а что мне

их, господ, их хитрости постигнуть надо,
а не то
мне
скоро —
крышка, капут.
Тут-то
и разбилась
моя дорога
в два
конца.

Мама

Мама — это ярый воск. Свеча перед лицом всего мира. Она — святая. Ибо только святые могут вынести такую муку, как она несет. Несет она муку великую потому, что глаз её видит дале, чем понимает. Никакой в ней фальши, никакой лжи, никакого обману. Гордость — большая. Такая гордая, такая могучая. Ежели в кого поверит, так уж навсегда обманешь её.

Отойдет от нее человек, а она все свое твердит. *“Коли я в него верила, значит, человек стоящий”*. Вот.

Такая она особенная. Одну только такую и видел в своей жизни. И много людей видал, а понятия об ей не имеют. Думают, либо сумасшедшая, либо же двусмыслие в ней

какое.

А в ней

особенная душа.

И ей,

в ее

святой гордости, никуда, окромя мученичества, пути нет.

Папа

Папа... что ж, в нём ни страшного, ни злобного, ни доброты, ни ума... всего понемногу.

Сними

с него

корону, пусть

в кучу —

в десятке

не отличишь.

Ни худости,

ни добротности —

всего

в меру.

А мера куцая — для царя маловата. Он от нее царскую гордость набирает, а толку мало. Петухом кружится.

И тот

мучается. Только

у него

все иное...

Все полегче...

одначе чувствует:

не по Сеньке

шапка.

“Дорогая моя Мама! Подумай над всем, что я тебе пишу! Твоя вся жизнь — в твоём Солнышке. Потому
без него
какая тебе радость? Зачем строить гнездо, если знаешь,
что его
ветром снесет? Так.
Для сохранения
всего —
не только
гнезда,
но всего
леса, надо
по убрать
тех, кто этот лес
с трех
концов поджег.
А кто
сии поджигатели:
с одного
конца Гучков
с своей
партией —
он, ты уже мне
поверь —
он над
разбойниками —
разбойник. Он
не токмо
гнездо подожжет, птенчиков переловит
и в огонь
бросит. Второй
враг —
это братья
и родичи
Папы. Они только ждут, чтобы кинуть спичку.
И третий
самый страшный
враг —
война. Потому, ежели
все
по-хорошему
будет,
все на своем
месте,

то никакой
чужой, охотник
в тот
лес
не заберется,
а так
двери открыты! Открыты двери! Вот. Теперь,
как же
уберечь гнездо?
А вот
как? Говорит Папа:
“Не хочу
позорного мира, будем воевать до победы!” Он, как бык,
в одну
сторону: “Воевать до победы”,
а Вильгельм
с другой.

*Взять бы их, да спустить. Хоть глотку друг дружке перегрызите: не жаль! А то вишь!
Воевать до победы!*

*А победу пущай достают солдаты. А кресты и награды — енералам. Ловко! Добро,
солдат еще не очухался. А
очухается, —
тогда што?
А посему...
Шепни ты ему, што ждять
“победы” —
значит терять все. Сгорит
и лба
не перекрестит,
а посему
вот мой сказ: свидеться с...
У яго
все как
на ладошке,
а потом,
ежели
што —
для форм —*

поторгуйся.

А еще к тебе просьба: сию бумагу насчет осушки болот пущай Папа подпишет. И сделать сие не забором, штобы Дума не пронюхала. А Думу — закрыть. Закрыть Думу! А то Гучков нас всех прикроет. Из под яго крышки не выскочишь! Вот.

А сию мою молитву Солнышку под головку! А за сим — молюсь об тебе!"

Сие написал ей, и бумаги, которые этот бес передал, направил. (...)

А боюсь другого... Што они костёр раздуют, а потушить не смогут. Што тогда?

Чем я взял Маму

О чём бы не писал, все к одному: вернуться надо. Как удержать власть над Мамой? Потому ей замест Папы хоча! Бывает, найдет на яво такое. Хошу, мол, штоб по-моему было. Тогда он, как бык сорвавшись, делов понаделает?

А всё же
нам дела
делать —
значит,
с Мамой
в ладу
быть.

“Вот ты, Бадма лекарственник, всяку хворь лечить умеешь. А можешь ты сделать такую хворь, чтоб тобой человек болен?

” Он

не понял.

Ну, пришлось ему растолковать.

“Надо мне,

—

говорю, —

штоб Мама

все обо мне

печаль носила. Штоб

в каждом

шаге

обо мне

мыслью имела.

И окромя

меня штоб никто ей

не мог

настоящего дать покоя

и веселья”

.

Задумался Бадма... и грит потом: *“Сие большим шарлатанством почитается, одначе есть такое. (...) Ну вот,*

— грит, — дам я тебе несколько

платков шелковых... ну, пузырек тоже. (...)

А секрет

с сим

платочком такой, што повяжешь им голову, будто туман какой, тошно пьянеешь. Ну,

так-то

приятно

и легко...

и будто

*слабость кака
и ко
сну погонит...
И уже
ни за што
от яго
не отвыкнешь”*

А как я ей сказал, што повязываясь, то так мое имя поминать должна и обо мне думать, то уже, конечно, она верила, што сия сила от меня, Григория, исходит... Вот.

Боле 5 лет сими платками я Ее и Ево (Николая II и Александру Федоровну. — прим. сост.) тешил.

Твоя судьба с моей перепуталась...

Ён приезжает. С виду веселый, а Сам как заяц загнанный: все с перепугу оглядывается, дрожит, будто отдышаться не может.
Подошел
я это
к яму
и говорю:
“Очень мне даже тяжело глядеть, как ты мучаешься...
и хотелось
об тебе
помолиться”
. (...)

А Ён
в растерянности
и крик:
“Григорий, мне сказывали, будто... ты... меня... убьешь”!
А Сам
глазами так
и колет.

От Яго таких слов и я задрожал... И говорю: *“Папа мой! Я раб Твой... против тебя, што
пушинка легкая: подул —
и нет
ее, унесет ветром
и затеряется...
и больно
мне
и обидно
такие слова слышать.
И язык
мой того
не скажет,
об чём
ты подумал.*

*Ну а теперь вот слушай: Твоя судьба с моей перепуталась. Ещё до рождения,
понимаешь, до рождения тоненьким росточком твой царский корень
об мой
мужицкий обвился,
а для сиё
нужно было, чтобы помочь тебе до солнышка дотянуться,
а Твое
солнце —
Твоя царская мощь
и слава!
Вот.
Я тебе
в помощь.
Вот послушай, завертять тебя твои враги, скрутят,
а я топориком,
топориком
все сучья*

*обрублю. Может, сам упаду,
а Твою
царскую голову
из прутьев
освобожу”
. Вот.*

Говорю это я, а сам дрожу... И Господи ли Боже мой! Лбом... царским лбом Земли
коснулся и сквозь слезы сказал: *“Отец Григорий!
Ты мой спаситель. Ты святой, ибо тебе открыты пути Господни...”*

Наш комментарий

Подробный анализ будет дан после ознакомления с книгой (со всеми дневниками). Пока же
отметим, опубликованный
в газете

«

МК

» материал подтверждает высказанный нами тезис
о том,
что Г.Е. Распутин был целенаправленно приставлен
к царю
одним
из Древнерусских
жреческих кланов. Обратите внимание
на то,
кто
и как
направил Григория Распутина
к царю.

ИАС КПЕ